

Валентина Петрунина

ПЛАНЕТА X

МАРИАМ • АННЕТ • АНЕЧКА

Валентина Петрунина

ПЛАНЕТА X

МАРНАМ

АННЕТ

АНЕЧКА

ISBN 978-80-87940-26-6

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2014

Содержание

МАРИАМ

АННЕТ

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

АНЕЧКА

Часть первая

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Часть вторая

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Часть третья

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

ПЛАНЕТА X

Книга первая

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 28

Глава 29

Глава 30

Глава 31

Глава 32

Глава 33

Глава 34

Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45

©Все права автора охраняются законом об авторском праве.
Копирование, публикация и другое использование произведений
и их частей без согласия автора преследуется по закону.

Skleněný můstek s.r.o. Vítězná 37/58, Karlovy Vary PSČ 360 09
IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

МАРИАМ

День подходил к концу. Солнце склонялось к горизонту, тени становились длиннее, веяло прохладой. Мариам медленно шла по пыльной улице, почти не осознавая, куда направляется. В голове было пусто. Все кончено! События последних дней развивались так стремительно, что она не поспевала за ними и теперь была в полной растерянности. Арест Иисуса... и теперь казнь, назначенная на завтра... Все кончено! Если сегодня утром она была уверена, что Иисуса освободят, просто не могут не освободить, то вечером полная отчаяния, она уже ни на что не надеялась. Никто из учеников не пришел на площадь, никто не стал кричать «Иисус» и просить о помиловании. Толпившийся сброд дружно выкрикивал имя своего приятеля Вараввы, радуясь предстоящей встрече. Где теперь те, кто сопровождал Иисуса в его странствиях?! Где те, кто клялся в любви и верности?! Вчера Мариам пришла к ним, звала пойти на площадь просить о помиловании Учителя. Никто ее и слушать не стал, они ее никогда не слушали и почти не замечали, но и не прогоняли. Она ходила между собравшимися, в одном из тех мест, где встречались обычно. О чем они говорили? О том, что Учителю уже не помочь, а им надо думать в первую очередь о себе. О том, что при встрече в людных местах, лучше не здороваться и делать вид, что незнакомы... и еще о чем-то таком, что не укладывалось в ее сознании и памяти. Они говорили, что, возможно, Учитель совсем не тот, за кого себя выдавал, что дыма без огня не бывает и, может быть, Иуда поступил не так уж опрометчиво, донес на Иисуса. Кто станет казнить неповинного? Где он, Господь, которому так молился Учитель? Где его милосердие и любовь к сыну нареченному и единственному? Почему он молчит и не испепелит своим гневом тех, кто посмел коснуться его чада? Нет его! Здесь что-то не так и в

это лучше не вмешиваться. Да, будет лучше, если не вмешиваться. Если Учитель – есть сын Господа нашего, то за него бояться нечего, Господь не даст свое дитя в обиду. Если же, он самозванец и преступник, то здесь, тем более, вмешиваться смерти подобно. Сам пойдешь его дорогой. Власти такого не прощают. Поговорив, люди разошлись в разные стороны. Где они теперь? Да и какой смысл их искать? Вчера все было сказано и теперь каждый сам за себя.

От отчаяния и горя, от того, что второй день ничего не ела, силы почти оставили ее. Она подошла к шершавой стене ветхого здания, и прислонившись к ней, стояла теряя сознание. Темные круги плыли перед глазами, хотелось пить, в горле першило от сухого воздуха и пыли. Все кончено! Девушка села на теплую землю, прислонилась к стене, закрыла глаза и замерла. Все кончено... ей казалось, что время остановилось, жизнь замерла и больше ничего уже не будет. Все кончено... и не было сил плакать, говорить, идти...

– Долго ты здесь будешь сидеть!?

Мариам открыла глаза. Солнце уже село, сумерки были прозрачны и тихи. Оглядевшись, увидела здорового мужчину в форме солдата. Лицо солдата не вызвало у нее страха, хотя голос был угрожающе свирепым. Ни слова не говоря, попыталась встать, но от резкого движения голова закружилась сильнее, в глазах потемнело, и она провалилась в вязкую, липкую темноту. Пришла в сознание от приятного прохладного вина, разбавленного водой, которым пытался напоить ее тот, кого она приняла за солдата. Наверное, она что-то говорила, пока находилась без сознания? Ужас охватил ее от одной этой мысли. Сейчас нельзя рисковать, завтра Ему может понадобится помощь и поддержка. А вдруг этот человек слышал, как она кричала на площади имя любимого? Там было полно солдат. Ее слова терялись в зычных выкриках дружков Вараввы. А когда она попыталась пробраться вперед, сквозь толпу грязных, в оборванной одежде мужчин, то поняла, что это выше ее сил. Потные тела прижимались к ней, уродливые лица приближались к ее лицу, руки пытались забраться под одежду.

– Ну что, полегче? – солдат держал у рта Мариам кружку с напитком. Прохладная струйка стекала по шее, затекала внутрь, под рубаху и щекотала кожу. Девушка попыталась улыбнуться и побла-

годарить солдата. Он улыбнулся в ответ и спросил:

– Кто он тебе, брат?

«О ком это он?» – подумала она.

– Да ты меня не бойся. И у меня есть сестра, такая же пичуга, как ты. Она бы тоже пришла, если бы со мной что-то подобное произошло. Она меня любит. Так, любишь брата? – солдат говорил сам с собой, совсем не ожидая ответа на свои вопросы. Да и девушка еще была очень слаба, чтобы говорить. Почувствовав это, он сунул кружку с жидкостью в руки Мариам и жестом, не терпящим возражений, показал, что надо выпить. Прохладная влага мягко заполняла тело, оно благодарно ответило ей теплом и легкой истомой. Идти по-прежнему никуда не хотелось, да и солдат больше ее не прогонял. Улица была безлюдной, сумерки сгустились, и в тени стены ее хрупкая фигурка в темной одежде была почти не заметна.

– Работа у меня не трудная, – говорил мужчина, – но тяжелая. Это кажется, что охранять арестантов просто, но на самом деле тяжело, потому что к ним приходят родственники или приятели. Просят разрешения поговорить или передать что-нибудь. Это запрещено, ведь в передаче может быть пилка или нож. Прогнать-то их просто, но трудно устоять перед деньгами, которые предлагают как плату, за возможность общения. Вот я и нахожусь постоянно между двух огней: брать деньги и рисковать или не брать, прогнать, и спать спокойно, но с пустым брюхом. Деньги за охрану мне платят, но их всегда не хватает. Вот и с этим арестантом мне не повезло. К нему никто не приходит, вот только ты одна. А завтра его казнят, так что заработать не получится... Сколько дашь? Солдат замолчал, ожидая ответа.

Мариам поняла, что вопрос был предназначен ей, и не знала радоваться ли такому повороту событий или огорчаться. Денег у нее не было! Упустить возможность увидеть любимого?! Ну, уж нет! Мариам взяла солдата за руку и начала говорить. Она смутно понимала, о чем говорит, о чем просит. Из-за выпитого вина, хоть и разбавленного, в голове все путалось. Мысли бежали впереди, язык за ними не поспевал, слезы текли ручьем. Всхлипывая, запинаясь, девушка говорила, говорила... Ей казалось, что все сказанное раньше, не убедительно и надо сказать еще что-то такое, что

окончательно убедит солдата в том, что она потом ему заплатит столько, сколько он скажет, любые деньги, только бы разрешил! Девушка сняла с себя серьги и ожерелье. Не бог весь что, но сейчас это все, чем может отблагодарить доброго человека за возможность увидеть Учителя, прикоснуться к нему, услышать его голос. Страж взял украшения. В темноте не было видно их ценность, может это и к лучшему, вздохнул и начал возиться с запором. Тяжелая дверь скрипнула и приоткрылась. Прежде чем пропустить внутрь девушку, он сунул ей в руки прохладный сосуд и кружку, потом почти втолкнул Мариам в темноту арестантской. Дверь, жалобно вздохнув, захлопнулась и наступила тишина.

Взошедшая луна освещала только небольшой квадрат на полу, все остальное помещение было погружено во мрак и звенящую тишину, которую прерывало едва слышное дыхание человека, лежащего в дальнем углу. Девушка сделала несколько шагов, подошла к Иисусу, опустила на колени. Глаза начали различать очертания обнаженного тела на темной, сбитой в плотный пласт, соломе.

– Учитель! – Иисус не ответил. Она слегка коснулась тела. Горячее и влажное, оно почти не отреагировало на прикосновение. Сердце Мариам сжалось от страха за жизнь любимого, хотя она понимала, что умереть ему сейчас от горячки было бы гораздо лучше, чем завтра висеть распятым на кресте и уйти в муках.

– Кто здесь? Пить! – Голос Учителя тихий и такой родной. Ощупью налила шипящий напиток в кружку и поднесла к его губам. Второй рукой бережно приподняла голову, чтобы удобней было пить. Иисус пил осторожно и долго, делая глоток за глотком. Девушка ощущала пальцами, ладонью шелковистые волосы, слипшиеся кое-где от запекшейся крови, горячую жилку, пульсирующую у виска. Напоив, она нежно опустила его голову и поставила кружку на пол. Иисус молчал. Сколько длилось молчание, сказать было трудно. Казалось, что время остановилось, замерло и Мариам сейчас хотелось только одного, чтобы это состояние продлилось как можно дольше.

– Пусть никогда не наступит завтра. пусть не будет завтра, – обращалась она мысленно не понятно к кому. Рука Иисуса коснулась ее руки.

– Зачем ты здесь? Тебя кто прислал?

– Никто, Учитель. Я пришла сама.

– Зачем? Ты же знаешь, это очень опасно? Знаешь?

– Учитель, ты был всегда добр ко всем, я пришла к тебе с просьбой. Будь же и ко мне добр.

– С просьбой?!

– Да, Учитель.

– Что же тебе нужно?

– Учитель, выслушай меня, я попробую объяснить, а ты пойми и не откажи, даже если моя просьба будет для тебя непосильной. Ты сможешь ее исполнить, я знаю, я уверена, иначе бы не просила! – Иисус молчал, пауза длилась и длилась, и ей, казалось, не будет конца.

– Говори, – наконец разрешил он.

– Завтра у тебя будет тяжелый день, трудный. Я знаю, что ты не хочешь говорить со мной об этом, поэтому говорю я, а ты просто слушай. Ты разрешил мне говорить. Завтра, глядя на толпу, глумящуюся и беснующуюся ты, возможно, раскаешься в том, на что пошел, ради этой толпы. Ты – человек, Учитель, тебе будет больно и страшно, будет обидно и, возможно, вера в то, что этому народу нужна твоя жизнь и твои страдания, твоя смерть на кресте, покинет тебя. Я хочу от тебя ребенка! Сына! Ему ты будешь нужен, и ты придешь к нему, ты воскреснешь ради этого человечка. Этот малыш станет твоей Надеждой, твоей Верой, твоей Любовью!

– Девочка.

– Что?

– У нас будет девочка. А теперь ты послушай меня. Прежде чем я выполню твое желание, ты должна обещать мне...

– Я согласна, Учитель!

– Не торопись! Ты должна понимать, что ты понесешь ребенка от преступника, и не просто преступника, а еще и идущего против власти. Ты знаешь, как относятся к женщинам, которые без мужа вынашивают ребенка? Знаешь, какими словами их называют? Знаешь, что их гонят отовсюду, забивают камнями, указывают на них пальцами и пристают с непристойными предложениями?

– Да, Учитель!

– Ты знаешь, что моих последователей станут преследовать и притеснять? Отрубать им головы и распинать. Одно упоминание о знакомстве со мной, будет считаться и уже считается преступлением?

– Да, учитель!

– Ты понимаешь, какую ответственность берешь на себя, вынашивая под сердцем Дитя божественное? Ты понимаешь, что его происхождение надо скрывать от людей? Ни один человек, ни один, даже самый преданный, не должен знать, кто отец! От девочки пойдет новый род, и, узнав об этом, власти не успокоятся и пойдут на массовое уничтожение женщин, в надежде на то, что в этой бойне не удастся укрыться Божественному. Ты осознаешь свою ответственность и готова ли ты пойти на такие испытания?

– Да, Учитель!

– Тогда обещай мне, что все время до родов ты проведешь возле моей матушки. Она тебе поверит и поможет. После того как родится ребенок, ты выйдешь замуж за человека состоятельного и мудрого. У твоего мужа будут средства и положение, но не будет возможности иметь детей. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Да, Учитель!

– У него будут средства, и он удочерит ребенка, признав свое отцовство. После этого ты покинешь страну и больше никогда сюда не вернешься.

– Да, Учитель! А как мы ее назовем?

– Мариам, конечно...

АННЕТ

— Анька, пожалуйста, хорошо запомни, — говорил Анри, называя ее русским именем, когда они были одни, он всегда называл ее так, — если стоять спиной к ратуше, то море будет слева. Запомни, море слева и солнце в него садится. Маяк на высоком берегу тоже слева. Маяки стоят веками. Даже если мы больше не встретимся, отыщи маяк. Ты такая бестолковая, я знаю, просто уверен, что тебе нужны будут деньги. Там в нижнем ярусе, слева, под лестницей — каменная плита, под которой я спрятал твои драгоценности, золотые монеты и свою скрипку. Скрипки, особенно старинные, стоят дорого. Обещаешь запомнить? Все очень легко. Главное найти ратушу. Посмотри на нее хорошенько. Видишь часы? Часы на городских ратушах не меняют. Запомни их. Обещай мне, что все сделаешь, как надо...

Глава 1

Лето. Начало июня. Зеленая лужайка в окрестностях Петербурга, белоснежный одноэтажный загородный особняк, где семья проводит лето, клумбы с цветами, стриженные кусты, ночи светлые, прохладный ночной воздух с ароматом цветущего жасмина и сирени, соловьи... Аня, ей уже шестнадцать... папенька называет ее невестой и присматривает жениха. От них, впрочем, нет отбоя, на хорошенькую наследницу, дочь известного генерала, приезжают смотреть под разными предлогами, гости званные и незванные. Балы, игры, забавы, прогулки верхом...

Утро стояло тихое, солнце торжественно выплывало, освещая невероятно-розовым цветом добрую половину неба. Аня любила прогулки на заре. Ее любимец, конь по кличке Добрый, не спеша шагал по росистой траве, сам выбирая себе дорогу. Они уже успе-

ли вдоволь порезвиться, усакавав довольно далеко от дома. Теперь оба отдыхали, наслаждаясь звенящей тишиной, величественным восходом и покоем. Незаметно доехали до усадьбы, прятанной в тени запущенного сада, скорее похожего на лес. Аня знала, что усадьба не жилая и позволила коню идти по заросшей травой, широкой дороге. Обогнув ветшающее строение, они вскоре выедут на тракт, по которому вернуться домой. Солнце, поднявшись над горизонтом, светило в глаза, и Аня опустила пониже поля шляпки. Теперь она видела только дорогу и иссиня-черную, блестящую гриву.

Отпустив поводья, закрыла глаза... неизвестно откуда взявшаяся собака, с пронзительным лаем бросилась под ноги коню. Добрый взвился на дыбы, а девушка кубарем скатилась на землю. Раздался хруст, дикая боль пронзила ногу, отозвалась в голове, в глазах потемнело. Откуда-то издали услышала она мужской голос, бранящий собаку, потом все стихло. Боль локализовалась в области лодыжки, но малейшее движение вызывало новый импульс, от которого темнело в глазах. Лежа неподвижно на мокрой от росы траве, Аня почувствовала полную свою беспомощность, и отчаяние охватило ее. Она часто уезжала из дома поутру, не говоря домочадцам о своих планах, прогулки были длительными, поэтому хватятся ее не скоро, потом пока найдут, пройдет не один час. Кто здесь был? Почему этот человек не оказал ей помощь, почему оставил одну, зная, что по близости нет ни души? Надо встать и попытаться забраться на коня.

Приподнявшись на локтях, посмотрела на больную ногу. В неестественной позе, багрово-красная, распухшая лодыжка, выглядывала из разорванного чулка. Крови не было. Попробовала сесть, но одно неосторожное движение выдало такой сильный импульс боли, что девушка потеряла сознание.

Глава 2

Окно в темной раме, старинная кровать, небольшая комната, слабо освещенная заходящим солнцем. «И угораздило же свалиться!» – думала мрачно Аня. Доктор сказал, что нога сломана и категорически настаивал на том, чтобы она осталась здесь хотя бы

на три-четыре недели. А это целый месяц! Целый месяц провести в компании с этим мрачным типом! Папенька, конечно, прислал горничную и повара, но они не в счет. Хотя сам хозяин дома очень приятный и внимательный человек, чего нельзя сказать о его помощнике. Не нравится он мне, хоть старается угодить, хоть с виду пригож: высок, строен, волосы темные, волнистые, глаза светлые. Вот только взгляд холодный, надменный. При разговоре все норовит в душу влезть, папенькой интересуется, маменькой, прислугой. Все про жизнь выпрашивает, про Петербург, про то, с кем общаемся. А его хозяин, он совсем другой. С виду неказистым кажется, но это только на первый взгляд. В плечах широк, хоть и росту среднего. Слегка сутулится, из-за этого невысоким кажется. Волосы тоже темные, но не как у помощника, шапкой волнами, а редковатые на темени и кудряшками по шее. Бородка окладистая, тоже кудрявая. Глаза голубые-голубые, с синими и зелеными искорками, большие – утонуть можно. Этот не разговорчив. Заглянет в комнату, спросит, не надо ли чего и уйдет, слова лишнего не скажет. В такой компании за месяц можно от скуки умереть. Но выбора все равно нет. Придется терпеть. Глаша, горничная, женщина добрая, душевная, но месяц в ее компании – опять же, умрешь от скуки! Доктор вставать не велел, да и как тут встанешь, если нога в лубках тяжелая-претяжелая. Придется придумывать себе занятия. Вот если бы была дома, то книги читала, а тут? Есть ли в этом заброшенном, запущенном доме книги? Надо спросить у Глаши, видела ли она здесь библиотеку и, при наличии таковой, выпросить у хозяина разрешения ею пользоваться.

Все сложилось: и библиотека в доме есть, и хозяин позволил, но, вот незадача, книги читать не возможно. Некоторые написаны на незнакомом языке, а те, что по-русски – неинтересные. А за окном – соловьи, воздух, сирень цветет, аромат такой, что голова кружится. Глаша – та с поваром Иванычем общается, хохочет звонко, смех через открытое окно доносится. Забежит на несколько минут, спросит, не надо ли чего барышне, и опять на улицу, а я здесь одна скучаю! И что хозяин такой нелюдимый? Интересно, чем он здесь, в такой глуши, занимается? Имение ему от родителей по наследству перешло. Земля, деревенька какая-никакая. Сам барин за

границей жил, рассказала ей Глаша, теперь вот приехал, а хозяйством не занимается. Почти все время в отъезде, дома только Валерий Семенович или Валери, так зовет его барин, помощник его и душеприказчик. Заходил вчера вечером, свечу принес, на стул без приглашения сел, разговор затеял. Аня пробовала у него про хозяина выспросить, да куда там. Все шутки, да прибаутки, а сам ничего толком не сказал. Посмеивается, да отшучивается: «Что это барышня, моим хозяином интересуется? Никак понравился? Только все напрасно это. Он к женщинам равнодушен, а с барышнями, так и вообще не общается. Не интересно мне, говорит, с ними. А мне интересно. Такая барышня красавица да умница, сходу бы женился, да чай, батюшка осерчает. Куда мне до Вас, без роду, без племени. Спасибо хозяину, приютил сироту, уму-разуму учит. А скажи, барышня, пошла бы за меня замуж, коли бы, я знатен был, да богат?» Аня тоже решила тогда над ним пошутить, сказала: «Ну, коли знатен да богат, пошла бы, чего ж не пойти. Парень видный, статный, и умом Бог не обидел», — знала бы она тогда, чем ее шутка обернется!

Неделя прошла, дни тянутся и тянутся. Доктор приезжал, ногу смотрел, с хозяином имения разговаривал, говорил, что перелом сложный, возможно нога станет короче здоровой, и Аня хромать будет. Услышав такое, она расплакалась. После того, как доктор уехал, тот зашел к ней, на край кровати сел и сказал, что за границей он обучался профессиям разным, в том числе и врачеванию. Свою помощь предложил. Мастерство его денег стоит, сказал, но об оплате он с батюшкой договорится. Аниного согласия спрашивал. Согласна ли она? Конечно, согласна. Да и выбора у нее нет. Доктор, вон, лубки наложил и все. Кому хочется хромоножкой стать в шестнадцать лет? Потом он простыню с ноги откинул, сказал, что ногу осмотреть надо.

— Барин, доктор не велел лубки снимать! — Аня не знала, как ей обращаться к пришедшему. Сам он не говорил, Валери называл его хозяином, Глаша — барином. Глаша и Аня, разговаривая между собой, так и стали его называть — Барин. Аня так привыкла к этому имени, что и думая о нем, называла его не иначе, как Барин.

— Барышня, меня зовут Анри, а Вас, как я понимаю, Анна? — Аня

кивнула. А голос такой интересный! Вроде сердитый, а в глазах смешинки играют. И не поймешь, сердится он или шутит.

– Какое имя у вас редкое, почему Анри?

– Отец мой родом из Саксонии, немец, назвал меня Генрих или Генри. Я долго за границей жил, на юге Франции. Там меня Анри звали, привык, так теперь и представляюсь. А снимать лубки, надобности нет, я и так все увижу.

– Как это?

– Потом объясню, а сейчас помолчи, пожалуйста! – Анри закрыл глаза, его рука висела в воздухе в нескольких сантиметрах от забинтованной лодыжки. Через несколько минут он открыл глаза и сказал, что доктор был прав, перелом со смещением, и если срастется, то нога станет сантиметра на два короче.

– Что же делать?! – воскликнула Аня.

– Будем лечить, мы же уже с Вами договорились. Договорились?
– Ну, вот опять! То ли сердится, то ли шутит? Как его понять?

– Так договорились? – Анри внимательно смотрел на девушку.

– Договорились. А что вы будете делать? Точно лубки снимать не будете?

– Обещаю, что лубки снимать не буду. Но потерпеть придется. Потерпишь? Больно будет.

– Очень больно?

– Не знаю, я сам такое не испытывал, другие говорили, что больно. – А у самого смешинки в глазах. И как ему верить?

– А сейчас, барышня, позвольте откланяться, дела. – Анри встал и направился к двери.

– А как же лечение?

– Все будет, и лечение и выздоровление, это я Вам обещаю. Ты, барышня, сегодня не обедай и воды не пей, так нужно для лечения, – без всякого смущения Анри перешел на «ты» и откланялся.

Анри ушел. Аня лежала расстроенная, если до осмотра у нее была надежда на благополучный исход, то теперь она заметно поубавилась. Хотя верить Барину стоит ли? Может он пошутил, с него станется! Но через несколько часов Анри вернулся. Он пришел в комнату вместе с Валери. Велел Глаше освободить столик, что возле кровати стоял, саму кровать от стены отодвинули, спроси-

ли у Ани, не ела ли она? Убедились, что не ела, подушку из-под головы убрали. Анри платок носовой взял, склянку темного стекла открыл, содержимое на платок налил, к Анинуму лицу поднес. Резкий, сладковатый запах щекотал нос и горло. Анри попросил Аню считать вслух. Она начала: один, два, три, четыре, пять... сбиваться со счета стала, – «как странно, – подумала, – чтобы считать, необходимо задумываться! Я что, разучилась это делать?» Но выяснить это не успела, комната, люди в ней, все куда-то поплыло и исчезло...

Соловьи за окном заливались звонко, комар пищал назойливо... От этого писка она и проснулась. Анри возле кровати сидел. Увидел, что Аня глаза открывала, улыбнулся в бороду, спросил, как спалось, как себя чувствует?

Как чувствует? Плохо: тошнит, голова тяжелая и спать еще хочется.

– Я, что, все лечение проспала? Теперь придется на завтра отложить?!

– Ты спала, а я лечил. – и улыбается. Так я и поверила!

– Ой, что же вы все шутите? Так никто не лечит. И с закрытыми глазами никто не смотрит, – возмутилась Аня.

– Ну, это ты просто не знаешь. Посмотри на ногу.

Только сейчас Аня почувствовала в ноге дискомфорт и тянущую боль. Приподнявшись и посмотрев туда, она увидела, что нога лежит на подушке. Лубки, наложенные доктором, исчезли, а вместо них красуется что-то белое, похожее на огромный сапог.

– Что это?

– Это гипсовая повязка. Пока ты спала, я сломанные кости сопоставил правильно, хорошо еще, что срастаться не начали, зафиксировал и наложил гипсовую повязку. Она твердая, будет не хуже лубков ногу от движения предохранять. Перелом срастется гораздо быстрее. А теперь спать. Есть и пить тебе еще нельзя, придется до утра потерпеть, – и ушел.

Глава 3

Еще одна неделя пролетела. Аня по-прежнему скучала, хотя жаловаться на хозяина грех. Каждый день заходит, веселый такой, все шутит, развеселить ее старается. Книг из города привез. Сказал, что через неделю Аню ходить станет учить. Сначала на костылях, а еще через две-три недели гипс снимет и домой можно ехать. Он бы и сейчас ее домой перевез, но они с батюшкой договорились, что лучше до полного выздоровления ногу не тревожить, да и ему так удобнее за больной наблюдать. Как-то разговорились они с Анри про то, как он за границей живет. Аня еще ни разу дальше своего имения в окрестностях Ораниенбаума не бывала. Ей любопытно было, как живут люди за границей. Анри много говорить не стал, сказал только, что у него на юге Франции дом, что люди живут, как и везде, по-разному. Есть состоятельные, есть бедняки и нищие. А на вопрос девушки, чем он занимается, ответил уклончиво, мол, занят врачеванием и состоит в некоем Ордене, названия которого она не разобрала.

– Так, вы, стало быть, доктор? – спросила Аня?

– Скорее врачеватель или знахарь. Мастерство мое основано не на том, чему докторов обучают, хотя эти науки я тоже изучал.

– А чем ваше лечение отличается от того, как наш врач лечит?

– Я изучал много наук, связанных с медициной. Кроме этого, у меня был учитель, который научил меня неким хитростям, которые простым врачам не преподают. Например, осматривать больного или поврежденное место с закрытыми глазами, – и опять в голубых глазах смешинки-искорки.

– Опять вы шутите! – Аня обиженно надула губки.

– Нисколько! – хочешь, я и тебя научу?

– А можно?

– А почему же нельзя? Времени у тебя свободного много. Я тебе несколько книг подберу. По-французски читаешь?

– Да.

– Тогда совсем хорошо. Сначала книги прочтешь, если что будет не понятно – спрашивай. Потом я тебе расскажу то, чего в книгах нет.

Аня книги захлеб прочла. Нельзя сказать, что в них все было

понятно. Хотя некоторые места ей казались знакомыми и настолько обыкновенными, что это удивляло, и, в то же время, давало возможность посмотреть на написанное несколько другими глазами, со стороны своего опыта и понимания. Анри велел записывать в тетрадь вопросы, как только они появляются. А вечером, когда сероватый сумрак белой ночи начинал таиться в углах, а душистый ветерок с улицы шевелил легкую занавеску на окне, приходил Анри. Садился на стул против кровати, брал тонкую тетрадь, исписанную Аниными вопросами и начинал объяснять. Голос его, тихий, ласковый, звучал в тишине. Аня, завороченная его голосом, слушала и не слушала. Потом поймала себя на том, что им любит. А почему нет? Все в этом человеке так гармонично и ладно, что он не может не нравиться. Как им не любоваться?! Вот только Анри на ее никак не смотрел, внимания совсем не обращал. Серьезный такой! Правильно Валери говорил, что барышни ему не интересны. Жалко! Вот за него бы я замуж пошла, так ведь не позовет!

– Теперь закрой глаза и... – голос Анри вывел Аню из размышлений о замужестве.

– Что?

– Анна, о чем ты сейчас думала? – голубые насмешливые глаза смотрели на нее и ждали ответа. Чтобы такое соврать? В голову ничего разумного, как назло, не приходило!

– Барышня, так о чем ты сейчас думала? А вот врать не советую, – голосе Анри появились металлические нотки, – не знаю, достоинство это или недостаток, только я еще и мысли читать умею. – а глаза – хитрющие-прехитрющие. Что делать? Кровь прилила к белоснежному личику, щеки пылали так, что хоть лучину от них зажигай. Ну, погоди у меня! Говоришь, барышни тебя не интересуют? А вот это мы сейчас и проверим. Жаль только, что щеки пылают жарче камина, а то можно было и в обморок упасть, все это промелькнуло в голове, как импульс и угасло. А вдруг и вправду мысли читает? С него станется. Аня продолжала молчать.

– Ты, конечно, можешь не отвечать, тогда я сочту твоё молчание за недоверие. У тебя есть какие-то основания мне не доверять? Может быть, я дал такой повод за время нашего знакомства?